

Н.М. Куренная (Москва, Россия)

Литературные параллели: А.П. Чехов и М. Йокаи

Аннотация: В статье в целом охарактеризовано творчество венгерского прозаика Мора Йокаи, тематика и проблематика его сочинений. Но в центре внимания автора «русский текст» в романах Мора Йокаи, сопоставляемый с «венгерским текстом» в творчестве А.П. Чехова в 1880-е гг.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, венгерская литература, романтизм, стилизация, русская литература, мистификация

N.M. Kurenayaya (Moscow, Russia)

Literary Parallels: Anton Chekhov and Mór Jókai

Abstract: The article as a whole describes the work of the Hungarian prose writer Mór Jókai, the topics and problematics of his works. But the author's attention is focused on the "Russian text" in the novels of Mór Jókai, compared with the "Hungarian text" in the works of Anton Chekhov in the 1880s.

Key words: Austria-Hungary, Hungarian literature, romanticism, stylization, Russian literature, mystification

В творчестве двух великих писателей, А.П. Чехова (1860–1904) и Мора Йокаи (1825–1904), существует малоизвестная страница – обоюдный интерес и профессиональное любопытство к культуре и истории России и Венгрии, которые способствовали появлению венгерского и русского текста в их литературных биографиях.

Мор Йокаи (1825–1904), или, как его называли в дореволюционной России, Мавр Иокáи, автор более 100 романов, повестей, пьес, стихотворений, переведенных на многие языки мира. Особую судьбу имела его повесть «Саффи», которая легла в основу либретто известной оперетты И. Штрауса «Цыганский барон» (1885). В России до 1914 г. было опубликовано десять романов венгерского писателя, языком-посредником, по вполне понятным причинам, являлся немецкий язык, который для Йокаи был почти родным, как и для многих, проживавших в Австро-Венгерской империи. Исторические, приключенческие и утопические романы венгерского писателя в России 1870–1890-х гг. пользовались большой популярностью, особенно у молодого поколения читателей, поэтому не удив-

тельно, что Чехов в начале творческого пути также был увлечен книгами Йокаи, свидетельством чему служит создание им в 1882 г. рассказа «Ненужная победа».

В истории венгерской литературы Мор Йокаи уже на протяжении более полутора веков занимает одно из наиболее почетных мест. Ю.П. Гусев с полным основанием назвал венгерского писателя «мастером складного слова, сказочником, добродушным рассказчиком»¹, которого в Венгрии нередко сравнивали с Дюма-отцом. «Писательство не было для Йокаи тяжелой, мучительной работой. Он писал, как дышал: легко и естественно. Как дыхание, это было для него жизненной потребностью. И темы он отыскивал без чрезмерных усилий, воплощая в литературный материал идеи, которые носились в воздухе»².

Первой публикацией Мора Йокаи была пьеса «Юноша-еврей», увидевшая свет в 1843 г., а его первый роман «Будни» опубликовали спустя три года, в 1846 г. Жизненный и творческий путь Йокаи был необычайно извилистым и разнообразным, подобным судьбам его персонажей. В юности он был не только другом Шандора Петефи, первого поэта Венгрии, но и его боевым соратником во время революции 1848–1849 гг. После ее поражения Йокаи пережил долгий период опалы и затворничества, однако в это же время он состоялся как выдающийся писатель, испытав исключительный творческий подъем. Он «в своих романах, героизируя историческое прошлое... воплотил венгерский свободолюбивый характер, венгерское мироощущение, национальный юмор»³.

Через годы писатель вновь вернулся к политической деятельности, но уже не как пламенный борец за свободу и мадьяризацию страны, а как умеренный политический деятель, который поддерживал государственно-политический союз Австрии и Венгрии. В течение 35 лет он был членом венгерского парламента.

Творчество М. Йокаи ознаменовало новую ступень в развитии венгерской литературы, которая находилась на переломном этапе от романтизма к реализму, в ней отразилось новое ощущение жизни и искусства, венгерское общество переходило к иным политическим и социальным реалиям. К полувековому юбилею литературной деятельности М. Йокаи и в ознаменование предстоящего празднования миллениума – тысячелетней годовщины обретения венграми родины – в 1893 г. в Будапеште было издано юбилейное роскошно оформленное 100-томное собрание сочинений писателя.

Книги М. Йокаи очень быстро завоевали популярность по всему миру. Россия не была исключением. К венгерскому читателю русская литература приходила, как правило, через посредничество немецкого языка. Эти переводы были настолько талантливы, что, например, роман «Евгений Онегин» Пушкина, переведенный Каройем Берци и опубликованный в 1866 г., стал в Венгрии очень популярным. Естественно, этому способствовала подготовленная почва: начиная с 1830-х гг. произведения русских писателей (А. Пушкина, Н. Гоголя и др.) активно переводились на венгерский язык.

Об интересе к романам венгерского писателя у российских читателей свидетельствовал, например, такой факт. В 1885 г. роман Йокаи в жанре фэнтези «20 тысяч лет подо льдом» (перевод Л. Мурахиной-Аксеновой) появился в первом номере вновь возрожденного после перерыва братьями Вернерами популярнейшего

¹ Гусев Ю.П. Мор Йокаи (1825–1904) // История венгерской литературы в портретах. М., 2015. С. 147.

² Там же. С. 149.

³ Стыкалин А.С., Хованова О.В. От «эпохи реформ» и революции 1848 г. к Соглашению 1867 г. // История венгерской литературы в портретах. М., 2015. С. 100.

в России журнала «Вокруг света. Журнал путешествий и приключений на суше и на море». Следует отметить, что произведения более известных Жюль Верна, Луи Буссенара, Ричарда Стивенсона увидели свет там же, но только в следующем, 1886 г. В советское время романы Йокаи также издавались довольно активно. Интерес к ним не иссяк и до наших дней: в 2009 г. московское издательство «Терра» опубликовало избранные произведения писателя в восьми томах.

Главной темой многих романов Йокаи было героическое прошлое Венгерского королевства и события недавнего времени – революция 1848–1849 гг., а основным мотивом – борьба доброго начала с разнообразными проявлениями зла. Нередко писатель объяснял злодеяния своих героев явным или скрытым стремлением к непомерному обогащению. Мотив денег и богатства – один из наиболее типичных для его произведений, особенно в период, совпавший с интенсивными капиталистическими преобразованиями и сопутствующими им социальными проблемами в Австро-Венгрии. Страсть к наживе, считал Йокаи, была главной причиной многих несчастий, враждебной человеку силой, коверкающей и ломающей жизнь не одного персонажа его романов. Однако приверженность Мора Йокаи романтическим идеалам позволяла его героям побеждать или хотя бы надеяться на то, что совесть все же восторжествует над пороками. Справедливости ради следует сказать, что иногда подобная идеализация человеческой природы приводила к искусственному сглаживанию социальных противостояний: в романах Йокаи появлялись безжизненные, неестественные фигуры справедливых «прогрессивных» помещиков, образы которых, как правило, искажали исторически правдивую ткань его книг.

Нас, конечно, более всего интересует обращение самого выдающегося венгерского романиста к русской теме. Кажется удивительным, но в творчестве Йокаи существует обширный «русский текст», объединивший несколько романов, посвященных России, ее значимым историческим событиям и выдающимся личностям. Писатель никогда не был в России, не читал по-русски, но русская литература, ставшая во второй половине XIX в. явлением мировой культуры, притягивала к ней многих венгерских литераторов. Йокаи разделял мнение выдающегося венгерского поэта Яноша Вайды, высказанное им в 1862 г. в журнале «Hon» («Отечество»): «У этой презираемой и считающейся нами варварской нации уже теперь имеются такие достижения – зависящие не от деятельности правительства, но исключительно только от народного гения в различных областях духовного развития (например, в литературе), благодаря которым она значительно опередила нас перед судом Европы»¹. Вслед за Вайдой и Йокаи высказал собственное мнение по этому поводу: «Несмотря на то, что мы считаем русскую дипломатию опасной для Венгрии, мы не питаем ненависти к русской нации. Мы относимся к русской дипломатии с отвращением, так как она представляет русский абсолютизм; мы отрицаем ее не потому, что она служит абсолютизму. У русского правительства есть кнут, сибирские рудники, писанные кровью указы; но у русской нации есть желание свободы, которое грозно провозглашает всему миру ее демократические силы, у нее есть великая литература, возвышенные душой, представители которой борются за всеобщее духовное благополучие, за великие идеи эпохи»².

Йокаи в своей первой книге о русских «Роман будущего столетия» (1875) изобразил жизнь «несчастной» России, над которой властвуют выступающие в союзе

¹ *Vajda János. Összes művei.* Budapest: Franklin, [1944]. 1872 p. S. 40.

² *Jókai: Kivel következzünk? // A Hon. 1867. № 1. Szept.*

с убийцами «нигилисты» во главе с демонической женщиной Шасей. Большие симпатии вызывают в романе члены царской семьи, вынужденные бежать от расправы и нашедшие убежище именно в Венгрии. Современный венгерский литературовед Ж. Зельдхейи-Деак отмечает определенные общие черты в образах «нигилистов» в «Романе будущего столетия» Йокаи и «Бесах» (1871–1872) Ф.М. Достоевского, опубликованных почти одновременно. Она считает, что «такие аналогии могли определяться как общественными событиями в России, имевшими международный резонанс, так и определенными общими источниками двух писателей»¹.

В 1879 г. Йокаи вновь обратился к «русской» теме и опубликовал роман о Пушкине и декабристах «Свобода под снегом, или Зеленая книга». Считалось, что роман о русской жизни Йокаи исключительно плод писательской фантазии, а приложенный в конце романа длинный список источников было принято считать скорее художественным приемом, своеобразной литературной мистификацией, с помощью которой писатель хотел придать своему повествованию видимость фактической достоверности. Однако венгерские ученые провели скрупулезный анализ записных книжек писателя, так же как и сравнение указанных им источников с текстом романа, в результате чего выяснилось, что знания о фактах жизни Пушкина и декабристов Йокаи черпал из документальных источников. О своем пристрастии к документу он в свое время писал: «У меня одна из богатейших частных библиотек, в которой можно найти все известные путевые записки, этнографические, естественно-научные книги... Вот мои путеводители по истории прошлого»². Большинство декабристов Йокаи изображает с симпатией, осуждая только тех из них, кто был жестким сторонником насильственных методов. Многих персонажей писатель наделяет собственными либеральными убеждениями. Александр Пушкин в интерпретации венгерского писателя справедливо предстает перед отечественным читателем сторонником декабристов, поэтом, воспевающим национальную свободу. Йокаи сравнивает Пушкина с Шандором Петефи, что звучит как высшее признание. Декабристы с большим восхищением отзываются о поэзии Пушкина, особенно о поэме «Цыганы». Примечательно, что полный текст этой поэмы был напечатан в переводе (с немецкого) самого Йокаи как приложение к роману «Свобода под снегом, или Зеленая книга». Жизнеописание Пушкина и его словесный портрет Йокаи позаимствовал у Богенштедта, автора научного предисловия к немецкому изданию произведений Пушкина. Описывая перипетии жизненной судьбы русского поэта, Йокаи дал волю своей фантазии и творческому воображению. Так, он вводит в повествование образ цыганки, помогающей Пушкину и декабристам, описывает вымышленную историю помолвки Пушкина с незаконнорожденной дочерью царя Софией Нарышкиной. В то же время, описывая бег преследуемого охотниками оленя по Петербургу, писатель перечисляет подлинные названия улиц, площадей, зданий, которые встречаются на его пути, соответствующие плану российской столицы. Одной из особенностей поэтики Йокаи можно считать его манеру искусно переплетать вымышленные имена и сцены с подлинными событиями и историческими персонажами. Подобный творческий прием создает у читателя впечатление подлинности, документальности описываемых событий.

¹ Зельдхейи-Деак Ж. Русская тема в «Романе будущего столетия» и в «Свободе под снегом, или Зеленая книга» Мора Йокаи // *Russica Hungarica*. Исследования по русской литературе и культуре. Budapest; М., 2005. С. 242.

² Там же. С. 241.

Очевидно, что Йокаи всерьез интересовался российской историей. В цикл русских романов он включал жизнеописания самых разнообразных персонажей, сыгравших заметную роль в истории России. Так, героями «русского текста» венгерского писателя, наряду с уже упомянутыми персонажами, стали Емельян Пугачев и княжна Тараканова, которых писатель наделил особо симпатичными ему чертами – стремлением к свободе и личной независимости, некоторой степенью авантюризма и смелостью. Героев своих «романов о России» писатель считал носителями лучших черт русского народа, который для многих венгров, конечно, не свой, но и не чужой: он просто другой. Йокаи признавал многочисленные различия венгерской и русской картины мира, но основной акцент он все же делал на изображении общего, понятного и тем и другим: стремлении к независимости и справедливости, любви к родине и родному очагу.

На наш взгляд, А.П. Чехов совсем не случайно выбрал образцом для своей первой и единственной литературной мистификации творчество Мора Йокаи. Бесспорно, что одной из очевидных причин такого выбора стал повышенный читательский интерес в России того времени к романам венгерского писателя. Другая причина, на наш взгляд, была более завуалированной. Чехов в 1880-х гг. стремительно продвигался по пути «превращения» из автора небольших рассказов и сцен в массовых юмористических изданиях в мастера с собственной уникальной творческой манерой. По мнению К. Чуковского, «начиная с 1884 г. Чехонте все меньше подчиняется вульгарным требованиям летучих листков и все явственнее преобразуется в Чехова»¹. В 1880-е гг., которые в истории Российского государства принято называть «мрачными годами реакции», начинающий писатель пытался по-своему реагировать на жесткую цензуру, активную слежку и преследование инакомыслящих, говоря современным языком. В своих рассказах и зарисовках он прибегал к эзоповому языку, который понимал и расшифровывал внимательный читатель².

Обращение А.П. Чехова к творчеству Мора Йокаи, который, как говорилось выше, заключил изображение отечественной картины социальной несправедливости, социального неравенства и угнетения в романтическую раму, представляется не случайным. Анализ текста «Ненужной победы» свидетельствует о желании Чехова провести аналогии и параллели между двумя империями – Австро-Венгрией и Россией. Имитируя романтизированный стиль венгерского писателя, наделив героев своей литературной мистификации австро-венгерскими реалиями (ландшафт, обычаи, стилизованные имена), Чехов, чтобы обойти цензуру, вслед за своими литературными предшественниками, писателями 1860-х гг., прибегает к эзоповому языку.

К 1882 г. у него уже имелся некоторый опыт создания сатирических рассказов с «двойным дном» («Записка, «Русская мысль у квартального» и др.). Описывая в «Ненужной победе» несправедливое австро-венгерское судебное дело, зависящее не от закона, а от социального положения подсудимых, писатель исподволь наводит читателя на мысль о схожести законов и разницы в положении бедных и богатых в двух империях. Главная героиня просит судью наказать ее обидчицу по справедливости. На что тот отвечает: «Гольдаугены меня кормят и поят, а я их судить стану?! Ха-ха-ха! Гольдаугены графы, а она дочь цыгана... Нашла с кем судиться.

¹ Чуковский Корней. О Чехове. М., 2007. С. 205.

² Там же. С. 177.

Чудачка! Нет, не ерунди, красавица. Обидно, это правда... но что же поделаешь? Света белого не переделаешь!»¹ Таких аналогий в «Ненужной победе» немало.

Можно предположить, что ко времени написания «Ненужной победы» Чехов был знаком, по крайней мере, с четырьмя переводными романами Йокаи: «Новый помещик» (М., 1880), «Двойная смерть» (М., 1881), «Черные бриллианты» (СПб., 1882), «Золотой человек» (М., 1882). Эти романы печатались еженедельными порциями в журналах Москвы и Санкт-Петербурга, выходили они и отдельными изданиями.

В начале 1882 г. в редакции журнала «Будильник» состоялась беседа между редактором Александром Курепиным и двадцатидвухлетним начинающим писателем Антоном Чеховым. По воспоминаниям публициста А.В. Амфитетрова, Чехов с рассуждениями Курепина о неумении русских писателей создавать занимательное произведение из иностранной жизни не согласился и вызвался за короткое время написать нечто подобное западным образцам. Чехов выиграл пари: через некоторое время он принес в редакцию «Будильника» рассказ «Ненужная победа», который в течение нескольких летних месяцев 1882 г. был опубликован полностью. Для того чтобы читатель уверился, что этот довольно внушительный по объему рассказ, скорее даже повесть (так называл это произведение сам Чехов в письме к брату), или, говоря современным языком, мини-роман, принадлежит перу одного зарубежного автора, Чехов завершил свое произведение словами: «Репортер д'Омарен написал повесть о красавице Ильке... Переведенная на русский язык, она и предлагается нашим читателям»². Читатели «Будильника» поверили, что автор иностранец, а самые проницательные даже «угадали», кто бы мог ее написать. Романтический стиль Мора Йокаи в России к этому времени был уже узнаваем. По свидетельству брата Чехова Михаила, в редакцию «Будильника» поступали письма с запросами «Не Мавра ли Йокай этот роман или не Фридриха ли Шпильгагена?»³.

При чтении «Ненужной победы» и других стилизованных произведений Чехова, имевших пометки автора – перевод с испанского, с португальского, и даже перевод с детского, удивляет его поразительная способность легко схватывать и передавать характерные структурные и стилистические особенности самых разных авторов и художественных форм. Так, например, вслед за «Ненужной победой» в 1883 г. в том же «Будильнике» был напечатан рассказ Чехова «Летающие острова» с подзаголовком автора: «Соч. Жюль Верна. Пародия». Можно предположить, что в случае с Йокаи Чехов намеренно удержался от использования пародийных приемов. Романтический пафос, присущий произведениям Йокаи, передан русским писателем очень тонко, легко, без излишеств, с чувством меры.

В.Г. Короленко, знавший писателя с молодости, по прошествии лет отмечал юношескую беззаботность Чехова времен создания «Ненужной победы», его «несколько легкое отношение к жизни и к литературе, сверкавшую юмором, весельем, часто неподдельным остроумием и необыкновенной сжатостью и силой изображения»⁴. Именно таким настроением, искристым и отчасти озорным, был пропитан рассказ «Ненужная победа», название которого – своеобразный оксюморон.

¹ Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. Т.1. М., 1960. С. 169.

² Там же. С. 242.

³ Там же. С. 563.

⁴ Короленко В. Ушедшие. Об Успенском. О Чернышевском. О Чехове. 3-е изд. М., 1918. С. 81.

Сюжет рассказа довольно прост. Бродячие цыгане-музыканты, отец Цвибуш и дочь Илька 17 лет от роду, в поисках заработка приходят в поместье графов Гольдаугенов и на поляне перед графским дворцом начинают играть – дочь на арфе, отец на скрипке. Неожиданно их музыку прерывает хозяйка поместья, влетевшая верхом на лошади на поляну перед дворцом. Недовольная появлением музыкантов она в гневе ударяет скрипача кнутом по лицу. После чего музыканты спешно покидают негостеприимный дворец. Илька решает отомстить жестокой графине за отца. В своем дальнейшем путешествии отец и дочь встречаются подвыпившего, разоренного семьей сестры красавца барона фон Зайниц. Илька влюбляется в него, да и она ему небезразлична. Зайниц даже готов был бы взять ее в жены, но это невозможно, потому что он беден и она бедна. «Вот если бы у тебя был миллион, тогда...» – говорит он цыганке. Девушка решает заработать или каким-то образом достать эти деньги. (Не будем забывать, что она была цыганкой.) После череды случайных встреч и неожиданных приключений ей удается достать миллион, и барон Зайниц женится на цыганской певице. Однако желанное замужество, для достижения которого она принесла столько жертв, не приносит ей счастья. Барон продолжает злоупотреблять вином, а местное высшее общество не принимает Ильку, более того, над ней изобретательно издеваются. Без поддержки и любви знатного, но самовлюбленного и пьющего мужа, в одиночестве и тоске, она принимает морфий и умирает на руках графини, которая когда-то оскорбила и избила ее отца. В последнюю минуту жизни Ильки надменная госпожа все же попросила прощения за необдуманную жестокость. Чехов с блеском имитировал романтический настрой, свойственный произведениям Йокаи, характерную для венгерского писателя сложную занимательную фабулу, большое количество самых разнообразных персонажей, яростные конфликты и настоящих героев, не останавливающихся перед любыми препятствиями. Однако если у Йокаи финал, как правило, сопровождался торжеством добродетельных героев, то в «Ненужной победе» Чехов все же проявил собственную творческую индивидуальность и завершил рассказ более реалистично – смертью верной и добродетельной героини, а ее обидчиков, как это часто бывает в реальности, оставил и дальше безнаказанно наслаждаться жизнью.

Какими же знаниями относительно венгерских реалий, образа жизни обладал 22-летний Чехов, которые так правдоподобны даже с точки зрения исторической достоверности? Так, имена персонажей рассказа можно разделить на два типа: это реальные антропонимы – Мориц, Артур, Карл, Сильвия, Борис и стилизованные под венгерские и немецкие – Цвибуш, Гольдауген, Пихтерштайн, Гейленштраль. Героиню рассказа зовут Илька, а в венгерском именовании есть женское имя Илона, уменьшительно-ласкательное Илушка. Патриотизм и особая любовь Йокаи к Венгрии, которыми наполнены его романы, в исполнении Чехова представляют собой своеобразный ироничный парафраз. Примером может служить простодушная песня Ильки: «Есть на свете много стран, прекрасных и светлых, как солнце, и богатых; и лучше же их всех Венгрия со своими садами, пастбищами, климатом, вином и быками, которые имеют рога в сажень длиною. Илька любит эту страну. Она любит и людей, которые ее населяют. Люди ее хороши. Они красивы, храбры, имеют красивых жен. Нет тех людей, которые могли бы победить их на войне или в словесных спорах»¹. Текст этой песни, нарочито стилистически «непричесанный» Чеховым, словно подстрочный перевод, ведь рассказ «Ненужная победа»

¹ Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. М., 1960. С. 157.

якобы был переведен с иностранного языка, скорее всего с французского, как явствует из нескольких диалогов.

В рассказе заметен явный личный интерес Чехова-гражданина к современной политической ситуации в Австро-Венгрии, что подтверждают и присутствующие в рассказе политические мотивы, вучащие, например, в песне Цвибуша, который исполняет собственную авторскую песню, названную им «дипломатической». Эта песня, по его мнению, «решает один из существеннейших европейских, первой важности, вопросов. Что такое Австрия? Не есть ли это винегрет, который готовы проглотить жадные соседи? Да, они проглотили бы, если бы в этом винегрете не было золотого ерша, которым можно подавиться. Этот ерш – Венгрия. Австрия есть птица, выкрашенная во сто цветов. Она состоит из сотни членов. У нее много ног, много крыльев, много желудков, но голова только одна. Эта голова – Венгрия. Нападет зверь на птицу, проглотит все члены, но не раскусить ему черепа! Череп плотен, как слоновая кость»¹. В этой песне есть и пассаж о языковой ситуации в империи: «Есть язык французский, есть немецкий, есть русский, есть венгерский. Богатству венгерского языка удивляются все мудрецы. Поезжайте же, пожалуйста, в Вену и спросите, где живет сфинкс, который говорит по-австрийски?»² Повествователь между делом сообщает, что главный персонаж рассказа, барон Артур фон Зайниц, терпеть не мог немецкого языка, и добавляет: подобно Фридриху Великому, кроме венгерского, он часто использовал французский.

Сквозь стилизованный текст молодого автора нет-нет да и прорывались интонации будущего, зрелого Антона Павловича Чехова, не устававшего в своем творчестве обличать разнообразную пошлость. Таких примеров в этом рассказе немного, но они есть. В монологе барона Зайница, пытающегося убедить Ильку смириться с ее незавидным положением бедной цыганки, звучат представления некоторых будущих чеховских героев о философских основах жизни: «Пора жизнь знать, красавица! Жизнь – это такая отвратительная, мерзкая, тягучая ерунда, такая пошлая, бесцельная, необъяснимая чушь, которая не выносит сравнения даже с помойной ямой, которая выкопана для того, чтобы быть заполненной всякой гадостью... Мерзость ее есть ее закон, непоколебимый, постоянный!.. Она дана человеку в наказание за его пошлость. Если бы я так глубоко не сознавал своей пошлости, я давно бы отправился на тот свет. Хватило бы пуль... Научись и ты, девочка, философствовать с собой в таком роде... Легче жить при таком уменье...»³.

Чехов не обозначил конкретное время событий, происходивших в рассказе, но по некоторым деталям его можно определить почти с абсолютной точностью. Все описанное очевидно случилось в августе 1878 г. во время австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины. На вокзале, где оказались Илька и ее отец, пенем симпатичной молодой цыганки заинтересовались австрийские офицеры. Они рассказали, что едут в Боснию, и приглашают Ильку ехать с ними. Маршрут передвижений цыган-музыкантов можно восстановить по названиям городов, куда их заносит бурная фантазия Чехова в духе Йокаи. После Боснии, они оказались в поместье Вунич в Галиции, затем отправились в Триест, ставший в 1861 г. одной из коронных земель Австро-Венгрии. Здесь цыганские музыканты некоторое время служили в венгерском хоре, и наконец они оказываются в Париже в театре

¹ Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. М., 1960. С. 157.

² Там же. С. 158–159.

³ Там же. С. 170

м-м Бланшар, где Илька не только поет, но и заводит разнообразные знакомства, флиртует в том числе с сербом Ботичем, сказочно богатым авантюристом, и репортером газеты «Фигаро» французом Андре д'Омареном, будущим предполагаемым автором рассказа «Ненужная победа».

Сделанное Чеховым признание Амфитеатрову о том, что по-венгерски он не смыслит ни аза, ничего не знает о Венгрии и, кроме как в романах Йокаи, отродясь ни одного венгерца не видел¹, скорее всего было лукавством и привычным для молодого писателя розыгрышем. События, происходившие в 1880-х гг. в Австро-Венгрии, были ему небезразличны, при внимательном чтении рассказа становится очевидно, что Чехов имел определенные знания и представления об истории и событиях, происходивших в соседней стране.

Вот такая заочная литературная перекличка состоялась между двумя великими писателями в 1880-е гг., когда впереди у них было еще два десятилетия жизни и творчества: Мор Йокаи и Антон Павлович Чехов умерли в одном и том же 1904 г. Вызывает сожаление, что выдающийся венгерский писатель не знал о существовании талантливой мистификации молодого русского писателя А.П. Чехова, с легкой иронией, талантливо и смело стилизовавшего его творческую манеру. Можно предположить, что он оценил бы ее по достоинству, как позже это сделали русские кинематографисты, которые трижды – в 1916, 1918 и 1924 г. – этот рассказ экранизировали.

ЛИТЕРАТУРА

Амфитеатров А.В. «Ненужная победа» // Одесские новости. 1911. 6 февр.

Гусев Ю.П. Мор Йокаи (1825–1904) // История венгерской литературы в портретах. М., 2015. С. 146–153.

Зельдхейи-Деак Ж. Русская тема в «Романе будущего столетия» и в «Свободе под снегом, или Зеленая книга» Мора Йокаи // *Russica Hungarica*. Исследования по русской литературе и культуре. Budapest; М., 2005. С. 237–242.

Короленко В. Ушедшие. Об Успенском. О Чернышевском. О Чехове. 3-е изд. [М.], [1918]. 94, [1] с.

Стыкалин А.С., Хованова О.В. От «эпохи реформ» и революции 1848 г. к Соглашению 1867 г. // История венгерской литературы в портретах. М., 2015. С. 94–103.

Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. М., 1960. 583 с.

Чуковский Корней. О Чехове. М., 2007. 208 с.

Jókai: Kivel következzünk? // *A Hon*. Budapest, 1867. № 1. Szept.

Vajda János. Összes művei. Budapest: Franklin, [1944]. 1872 p.

REFERENCES

Amfiteatrov A.V. “An Unnecessary Victory”. *Odesskie Novosti*. 1911. February 6.

Gusev Yu.P. Mór Jókai (1825–1904). In: *History of Hungarian Literature in Portraits*. Moscow. 2015, pp. 146–153.

Zöldhelyi Zsuzsa. Russian Theme in the “Novel of the Next Century” and in “Freedom under the Snow, or the Green Book” of Mór Jókai. *Russica Hungarica*. Studies in Russian literature and Culture. Budapest; Moscow. 2005, pp. 237–242.

¹ *Амфитеатров А.В.* «Ненужная победа» // Одесские новости. 1911. 6 февр.

Korolenko V. Departed Ones. About Uspensky. About Chernyshevsky. About Chekhov. 3rd ed. [Moscow]. [1918]. 94, [1] p.

Stykalin A.S., Khovanova O.V. From the “Era of Reforms” and the Revolution of 1848 to the Agreement of 1867. In: History of Hungarian Literature in Portraits. Moscow. 2015, pp. 94–103.

Chekhov A.P. Collected Works: In 12 vols. Vol. 1. Moscow. 1960. 583 p.

Chukovsky Kornej. About Chekhov. Moscow. 2007. 208 p.

Jókai: Kivel következzünk? *A Hon.* 1867. No 1. Szept.

Vajda János. Összes művei. Budapest: Franklin, [1944]. 1872 p.

Сведения об авторе:

Наталья Михайловна Куренная,
доктор филол. наук
ведущий науч. сотрудник
Институт славяноведения РАН

Natalia M. Kurennaya,
Doctor of Philology
Leading Researcher
Institute of Slavic Studies RAS

ikurennoy@gmail.com